

УДК 902

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОРНАМЕНТА И РИТМЫ ЖИЗНИ (размышляя о первобытном искусстве...)

В. В. Бобров

ORNAMENT DEVELOPMENT TRENDS AND LIFE PACE (reflections on prehistoric art)

V. V. Bobrov

Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

В статье дано краткое содержание тенденций развития декоративно-прикладного искусства от неолита до Средневековья на территории азиатской части России. В специфике тенденций или их совпадении, как это демонстрирует декоративно-прикладное искусство древних народов Западной Сибири и Приамурско-Приморского региона, заложен ритм жизни, который оказал воздействие на этнопсихологическое состояние и общественное сознание. Ритмы жизни взаимосвязаны с образом жизни. Основу этой цепочки составляет ориентация палеоэкономики в различных регионах Северной Азии. Стабильность жизнеобитания в Западной Сибири и на юге российского Дальнего Востока была обусловлена рыболовством и производящими формами хозяйственной деятельности. Заклѳенная в образе жизни ритмика жизни нашла отражение в тенденции развития декоративного искусства. В Приморье и Нижнем Приамурье, в лесостепи Западной Сибири в период раннего железа и средневековья изобразительное содержание орнамента существенно изменилось. Высказана гипотеза о милитаризации общества, как факторе, трансформировавшем общественное сознание и ритм жизни. Обозначены особенности развития декора на керамической посуде в лесостепных и таѳжных ландшафтах Западной Сибири в эпоху железа. Предложены причины этого явления. Совершенно иной ритм жизни существовал у охотников и рыболовов горно-таѳжных районов Восточной Сибири, что придавало своеобразие декоративному искусству на этой территории.

The paper summarizes the trends of the decorative and applied arts development from the Neolithic to the Middle Ages in the Asian part of Russia. The specificity and congruence of these trends reflect the pace of life which influenced the ethnopsycological state and social conscience of the ancient peoples in Western Siberia and the Amur-Primorye region. The pace of life is connected to the lifestyle. This interconnection is based on the paleoeconomics orientation in different regions of Northern Asia. The stable life in Western Siberia and the South of the Russian Far East was conditioned by fishing and different types of production. The pace of this lifestyle was reflected in the decorative art trends. In Primorye and Lower Amur regions, in forest-steppes of Western Siberia, the representational content of the ornament considerably changed during the Early Iron Age. The presented hypothesis proposes that militarization of the society was the driver of the social conscience and life pace transformation. Peculiarities of ceramic ware decoration development in the forest-steppe and taiga landscapes of Western Siberia in the Iron Age are outlined. The causes of this phenomenon are provided. The hunters of Eastern Siberia mountain-taiga regions had a fundamentally different life pace which specified the decorative art on that territory.

Ключевые слова: орнамент, декоративное искусство, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, экономика, менталитет, Зауралье, Бараба, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Забайкалье, Приамурье, Приморье, Дальний Восток.

Keywords: ornament, decorative art, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, economics, mentality, Eastern side of the Ural Mountains, Baraba, Western Siberia, Eastern Siberia, Transbaikial, Amur region, Primorsky region, Far East.

Введение

В 2013 году Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского и Омский филиал Российского института культурологии проводили международную конференцию с очень интересной тематикой – «Творчество в археологическом и этнографическом измерении». На этой конференции мне была предоставлена честь выступить с докладом на пленарном заседании, за что очень признателен организаторам. Название доклада было точно такое же, как и предложение, заклѳенное в скобки. В нём шла речь о специфике и тенденциях развития орнамента от Древности до Средневековья на территории азиатской части России. В ходе его обсуждения О. М. Рындина – широко известный и авторитетный специалист в области изу-

чения декоративно-прикладного творчества малочисленных аборигенных народов Сибири – высказала идею о том, что особенности развития орнаментального искусства народов Северной Азии в какой-то степени обусловлены или связаны с ритмами жизни. Очень важное в теоретическом и практическом отношении научное положение, за которым кроется познание этнопсихологической специфики, а точнее менталитета народа. Они же, на мой взгляд, лежат в основе, так называемого цивилизационного подхода к периодизации исторического процесса, столь модного в отечественной исторической науке в последние десятилетия. Убеждѳн, что не менталитет определял и определяет тенденции исторического процесса. Но в конкретном случае, связанном с изучением орнаментов древних и средневековых народов Северной Азии, мысль, выска-

занная О. Н. Рындиной, помогла бы дать объяснение общим и специфическим явлениям развития декоративно-прикладного искусства на обширной территории азиатской части России в до письменный период истории. Через несколько месяцев, продолжая «размышлять о первобытном искусстве...», я позвонил Ольге Михайловне и изложил ей свою версию об отражении ритма жизни в археологических источниках, которую можно было бы использовать для объяснения тенденций развития декоративного искусства. Но на предложение написать совместную работу, уважаемая мною коллега, отказалась, сославшись на то, что исследование археологическое и лучше его провести автору версии. Остаётся только сожалеть. Исследование мог усилить хороший теоретик, которым, несомненно, является О. М. Рындина. Мои теоретические познания и познания в этой области этнографии далеки от совершенства, но след от статьи Л. Н. Гумелёва о ритмах жизни кочевников был оставлен глубокий [15, с. 85 – 94]. Доклад опубликован в сборнике материалов конференции [7, с. 339 – 343], поэтому ограничусь кратким резюме, отчасти дополнив отдельные заключения.

Основные положения с некоторыми уточнениями и дополнениями

В искусствоведении достаточно подробно дано обоснование такому виду изобразительного творчества, как декоративно-прикладное искусство. Оно поистине имеет народный характер, так как в значительной степени его местом воплощения стала бытовая среда. И это свойство декоративно-прикладного искусства возникает в глубокой древности. Этот вид изобразительного творчества получил особенно широкое распространение и развитие, благодаря изобретению керамической посуды. Ю. Б. Цетлин очень точно обозначил, что полное исследование возникновения гончарства, наряду с другими проблемами, включает проблему происхождения орнамента на сосудах [58, с. 77]. Рассматривая декоративное творчество в целом, следует иметь в виду, что истоки орнамента лежат в культурах верхнего палеолита и раннего голоцена, о чём свидетельствуют костяные, реже каменные, изделия, и что на всём протяжении человеческой истории орнамент наносили на разнообразные недолговечные материалы: дерево, береста, ткань, кожа, войлок. Изделия из них, за редким исключением, естественная среда не сохранила. Поэтому в археологии ведущее место занял орнамент на керамической посуде, в меньшей степени на цветном и драгоценном металле (торевтика). На мой взгляд, восприятие декоративно-прикладного искусства было основано на синтезе функций искусства и в первую очередь на гносеологической и эмоциональной.

Рассматривая декоративное искусство на керамической посуде от неолита до Средневековья на огромном пространстве азиатской части России, обращает на себя внимание незначительный технический арсенал для нанесения орнамента (при несколько большем количестве и разнообразии инструментов) и многообразие орнаментальных композиций. Именно эта особенность орнаментального искусства послужила основой для разработки методологии познания некоторых базовых положений общей археологии. Другая особенность заключается не столько в теоретическом содержании,

сколько в прагматическом назначении. В частности, она предполагает локально-территориальную специфику развития декоративно-прикладного искусства. Достаточно сравнить орнаментацию археологических культур от неолита до Средневековья Западной Сибири [21; 23; 25 – 29; 34 – 36; 39 – 42; 44; 50 – 54; 61 – 65] и декор того же периода Восточной Сибири, чтобы убедиться насколько контрастно отличие [1 – 4; 31; 45 – 46; 56; 59 – 60]. Практически с раннего неолита в Западной Сибири получили развитие все технические приёмы нанесения орнамента, с этого же времени наряду с линейным стилем появился геометрический; как правило, орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда. Во многих западносибирских культурах декор представлен сложной орнаментальной композицией. Это придаёт ему особый колорит. Тенденция развития восточносибирского декоративно-прикладного искусства, включая Забайкалье, основана на упрощённой комбинации орнаментальных элементов. Орнаментальное поле чаще всего ограничено только зоной венчика. Дополняет отличие восточносибирского декора исключительное распространение линейного стиля. Но поверхность керамической посуды этого региона несёт отпечаток техники её изготовления и обработки: сетки, шнура, колотушки с рубчатой поверхностью в виде квадратов или ромбов. Возможно, этот фон не требовал сложной орнаментальной композиции. Но, скорее всего, её отсутствие было определено мировоззренческими установками.

Разительное отличие декоративно-прикладного искусства двух крупнейших регионов Северной Азии органично вписывается в закономерности историко-культурного развития на данных территориях.

Совершенно иная тенденция развития орнаментального искусства прослеживается по керамическим материалам Приморья и Нижнего Приамурья [3; 11; 16 – 17; 20; 22; 37 – 38; 47]. В настоящее время доказано, что эта территория входила в ареал древнейшего центра происхождения керамической посуды. Декор эпохи неолита и бронзы этого региона представлен линейным и геометрическим стилями. Но в геометрическом стиле, наряду с прямолинейными фигурами, присутствуют круглые, овальные, спиралевидные фигуры, которые являются особенностью декора данной территории. Небезынтересно, что здесь встречаются орнаментальные элементы (упрощённый меандр, заштрихованный треугольник и др.) характерные для западносибирского декоративного искусства. В качестве примера приведём орнаментальное искусство эпохи неолита Нижнего Приамурья [38]. В неолитической культуре тихоокеанского побережья Северо-Восточного Китая керамическая посуда сплошь покрыта горизонтальными поясами отпечатков шагающей гребенки. В сибирских памятниках идентичный орнамент преобладает на территории Верхней Оби – большемысская культура. Видимо, можно продолжать круг аналогий, но вряд ли они будут соответствовать типичности явления.

Третья особенность в развитии декоративного искусства имела локальный характер. Она касается, прежде всего, археологии Западной Сибири. На этой территории, с её широтным расположением ландшафтных зон, сформировались как минимум 3 хозяйственно-культурных типа [30]. В ареале производящей эконо-

мики особую популярность приобрел геометрический и меандровый стиль орнамента. Они, прежде всего, связаны с появлением в степных и лесостепных районах Западной Сибири андроновского скотоводческого населения. В трансформированном виде эти стили представлены в андронидных культурах, ареал которых связан, преимущественно, с северной периферией андроновского мира. По М. Ф. Косареву, они составляли область распространения многоотраслевого хозяйства. Наконец, тайга и лесотундра – зона присваивающей хозяйственной деятельности. Различия в декоративном искусстве населения этих трёх зон, несомненно, есть и на них неоднократно обращали внимание специалисты. Но нельзя не обратить внимания на то, что по сложности орнаментальных элементов и композиции декор обитателей северных территорий не уступал орнаментам скотоводов и земледельцев лесостепных районов, а в эпоху раннего железа и Средневековья преобладал над ним. Достаточно обратиться в качестве примера к керамическим комплексам периода смены эпохи камня на территории севера Западной Сибири, приведенные С. Ф. Кокшаровым [26], или к комплексам кулайской культуры [61 – 62], сравнив их с саргатской [33], большебереченской, кижировской [52] и тагарской орнаментацией». Приведённый крупный фрагмент текста очень важен, так как содержит общую локально-территориальную специфику орнаментального искусства на азиатском пространстве России, локальную специфику внутри крупных регионов Северной Азии и, наконец, своеобразие некоторых хронологических периодов. Несомненно, дотошный исследователь найдет особенности в развитии декоративного искусства в культурах различных ландшафтных зон или обусловленных какими-либо другими обстоятельствами. В частности, не привожу «орнаментальную графику», которая, на мой взгляд, является особенностью западносибирских культур неолита и энеолита (Зауралье), сейминско-турбинская эпоха (Приобье). В пределах культур Байкальской Сибири керамика с антропоморфными и зооморфными изображениями составляет немногочисленную группу. В Приморье известен только один сосуд с антропоморфной фигурой из поселения Ветка, выполненной в орнаментальной технике. Более эффектно выглядят в оформлении стенок сосудов антропоморфные изображения вознесенновской культуры Нижнего Приамурья.

Размышление о ритмах жизни и их археологическом контексте

В данной работе научный интерес к орнаментальному творчеству представлен в широком географическом и хронологическом диапазоне. И обозначенные в этом аспекте особенности и тенденции развития декоративно-прикладного искусства требуют объяснения. Одна из версий такого объяснения – ритм жизни. Не претендуя на исключительность, заметим, что нанесение орнамента основано на ритмике. Иной принцип встречается очень редко. Эта версия, на мой взгляд, не противоречит, а дополняет, концепцию Ю. Б. Цетлина о возникновении орнамента [57, с. 87 – 95].

Поиск источников или археологических фактов, в которых мог найти отражение ритм жизни, вёл к сравнению материальных комплексов древних культур на

территории Северной Азии. Результатом этой процедуры исследования явилось совпадение культур или их различие по такому признаку, как стационарные поселения. По крайней мере, можно констатировать, что на территории Западной Сибири, практически независимо от ландшафтно-климатической среды, население обитало в долговременных посёлках, начиная с раннего голоцена [5, с. 91 – 95]. Наглядным примером является комплекс памятников Барсовая Гора в Сургутском Приобье, который можно экстраполировать на весь западносибирский регион [62]. Но лучше обратиться к коллективной монографии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири», один из томов которой был посвящен поселениям и жилищам от эпохи камня до Позднего Средневековья [48], а как частный пример, к поселению тагарской культуры [32]. Небезынтересным фактом для этой территории можно считать раннее появление укрепленных поселений [8, с. 215 – 221]. Идентичную или близкую ситуацию об организации комфортного жизненного пространства можно наблюдать в археологии Нижнего Амура и Приморья. И также, начиная с раннеголоценового времени, а возможно и более древнего [9, с. 65 – 80; 19; 12, с. 14 – 24; 18]. Совершенно иную картину демонстрирует археология Забайкалья, Байкальской Сибири, бассейна р. Лена и Крайнего Северо-Востока Азии. При всём своеобразии процессов развития на обозначенном пространстве археологические культуры конкретных регионов от неолита до Средневековья содержат недолговременные стоянки.

Данная тенденция в развитии домостроительства, как части, материальной культуры народов до письменной истории, совпадает с тенденцией развития декоративно-прикладного творчества в пределах Северной Азии. Случайное ли это совпадение? Ответ на вопрос, на мой взгляд, кроется в сфере хозяйственной деятельности населения. Этнографическая наука широко использует классификационное понятие «хозяйственно-культурный тип». Он же был заимствован археологической наукой.

М. Ф. Косарев представил концепцию ареалов присваивающего, производящего и многоотраслевого хозяйства на территории Западной Сибири [30]. Если скотоводческо-земледельческий уклад в условиях лесостепного ландшафта обеспечивал стабильность жизни, начиная с эпохи бронзы, если скотоводческое направление хозяйственной деятельности многоотраслевой экономики в южно-таёжной зоне стимулировало необходимость стационарного обитания, то существование долговременных посёлков у охотников, рыболовов и собирателей требует объяснения. Рассматривая виды присваивающего хозяйства таёжной зоны в эпоху бронзы, М. Ф. Косарев отмечает одну любопытную особенность. Она заключается в сезонной цикличности, то есть в переходе доминанты от одного вида деятельности к другому в зависимости от её эффективности, обусловленной природными закономерностями. В данных условиях рыболовство вызывало осёдлый образ жизни (положение, ставшее аксиоматичным), также как скотоводство в многоотраслевом хозяйственном укладе. Цикличность не исключала существования этнокультурных образований, жизнедеятельность которых была основана на ведущей роли рыболовства.

Этому способствовали природные факторы Западной Сибири, обладающей до сих пор богатейшими рыбными ресурсами. Хозяйственный уклад в эпоху раннего железа и Средневековья у обитателей тайги не претерпел существенных изменений, что достаточно убедительно показано в исследованиях М. Ф. Косарева.

Присваивающая экономика эпохи бронзы в таёжной зоне, видимо, сохраняла традиционные ориентиры в хозяйственной деятельности, сформировавшиеся в предшествующий историко-хронологический период. Насколько модель цикличности соответствует неолитическим популяциям лесостепной зоны Западной Сибири? – ответить сложно. В Зауралье, на территории Среднего Прииртышья и в западных районах Барабы известны долговременные неолитические поселения, но они пока не выявлены в пределах бассейна Верхней Оби. Неолитические посёлки находятся, прежде всего, в тех районах, которые составляют южную периферию западносибирской низменности и содержат некоторые её физико-географические особенности, в частности, значительную сеть озёр. А. И. Петров высказал предположение о существовании заморного рыбного промысла в лесостепной зоне Западной Сибири на основании топографии поздненеолитических поселений [49, с. 11]. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в неолитических памятниках Зауралья, Среднего Прииртышья и Барабы редки орудия охоты, а немногочисленные наконечники стрел очень маленькие. Хотелось бы считать его аргументом для обоснования рыболовства, как основного вида хозяйственной деятельности. Но возможны иные версии объяснения этого археологического факта. Поэтому ограничимся умозрительным заключением о доминанте рыбного промысла в жизнеобеспечении неолитического населения, обитавшего на территории большей части районов лесостепного ландшафта Западной Сибири.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ориентация хозяйственной деятельности и/или эффективность присваивающей экономики (природные факторы) обусловили стабильный и размеренный образ жизни населения, а это в свою очередь не могло не отразиться на его психологическом состоянии и менталитете.

Не вызывает сомнения то, что экономика неолитического населения Нижнего Приамурья и Приморья основана на рыболовстве. Охота и собирательство имели вспомогательное значение. У населения островного мира, основу экономики ранненеолитического населения также составляло рыболовство, которое дополняло прибрежное собирательство, а возможно и промысел морского зверя [11, с. 199]. Проблема возникновения земледелия в период позднего неолита в этом дальневосточном регионе выведена из разряда дискуссионных проблем. По крайней мере, выращивание чумизы связывают с появлением зайсановской культуры, на позднем этапе существования которой роль земледелия заметно возросла [13, с. 178, 179; 15, с. 113 – 120]. Оригинальная идея предложена специалистами о зарождении и функционировании в районах побережья Приморья такой производящей формы хозяйства, как устрицеводство [10]. Не отрицая данной идеи. Осмелюсь предложить иную трактовку, выявленным Д. Л. Бродяжским фактам. А именно: видеть в

отборе устриц осознанное древним человеком стремление к естественному воспроизводству вида, составляющего пищевой рацион. Это экологический аспект. Он присущ всем народам, базировавшимся в древности и базирующимся на присваивающей экономике до настоящего времени.

Вероятно, на тенденции развития орнаментального искусства воздействовал не только фактор, обеспечивший размеренный и стабильный ритм жизни. В раннем железном веке и Средневековье на территории Приморья и Нижнего Приамурья, в лесостепной зоне Западной Сибири можно было наблюдать одинаковый процесс – минимальное оформление декором керамической посуды или отсутствие орнамента на ней. В основе жизнедеятельности народов этих регионов, по-прежнему, оставались формы производящей экономики. Отметим только, что в ряде районов Южной Сибири и Центральной Азии существовал кочевой уклад, но отношение к декорированию посуды у населения было идентичным земледельцам и скотоводам лесостепи Западной Сибири, которые вели осёдлый образ жизни.

Что могло изменить ритм жизни этих народов? Первое, что обращает на себя внимание, – это повышенное или ведущее значение войны в обществе народов раннего железа и эпохи Средневековья. Об этом красноречиво свидетельствуют фортификация, как система защиты посёлка от нападения, наступательное и оборонительное оружие, развитие и массовый характер которого вызвал формирование в археологической науке субдисциплины – оружиеведения [55]. Вторым фактором следует назвать демографические процессы, которые привели к существенному росту численности населения в обозначенные историко-хронологические периоды. Несомненно, он вызвал потребность в увеличении продукции гончарного производства, как для бытовых нужд, так и для погребального сопровождения в соответствии с ритуалом.

Вполне вероятно, что эти факторы, трансформировавшие общественное сознание, менталитет и ритм жизни, вызвали «обеднение» декоративного искусства на гончарной продукции. В скифское время на лесостепных просторах Западной Сибири, но особенно у народов Южной Сибири, орнаментальное творчество заменил декор, выполненный в зверином стиле, прежде всего, на оружии. А в Средневековье расцвет получила торевтика.

Если наши рассуждения о причинно-следственном характере названных факторов верны, то идентичная тенденция развития орнаментального искусства должна быть выражена в археологических источниках раннего железа и Средневековья таёжной зоны Западной Сибири. В специальной литературе неоднократно была высказана мысль (имевшая вескую аргументацию) о «воинственности» населения и о «военных событиях» на территории таёжной зоны, особенно в эпоху Средневековья. По этому критерию среди археологических культур, несомненно, выделяется кулайская культура Среднего Приобья [63]. В последние века I тысячелетия до н. э. отдельные группы населения этой культуры мигрировали в лесостепные районы Среднего Прииртышья и Барабы, Верхнего Приобья и Кузнецко-Салаирской горной области, воспользовавшись ослаблением этнокультурных образования скифского перио-

да на этих территориях [см., например, 51]. Позже усилия кулайцев были направлены на расширение территории в северном направлении [62]. Но кулайская культура в древней истории таёжной зоны Западной Сибири, скорее всего, исключительное явление. По мнению автора данной статьи, её происхождение могло быть связано с южными районами Сибири [6, с. 309 – 313]. Но вернёмся к идентичности тенденции развития орнаментального искусства в разных ландшафтных зонах. Её нет. Хотя изменения в декоративно-прикладном искусстве таёжных народов произошли. Существенно сократилось использование геометрических мотивов в орнаментальных композициях, а в некоторых культурах они полностью исчезли, орнаментальное поле ограничено верхней половиной или, чаще, верхней трети сосуда. Но население тайги, независимо от времени существования, разных истоках происхождения, всё же, сохраняли традицию развития декоративного искусства, преимущественно на керамической посуде.

Исходя из теоретических аспектов, косвенных данных и умозрительных заключений, можно сделать вывод о том, что динамика военных отношений, а тем более демографических процессов, в таёжном ареале существенно отличалась от динамики в лесостепном и степном ареалах. По мнению А. П. Зыкова, военная активность в таёжной зоне имела нестабильный характер [54, с. 56]. Длительность спада была больше периода военной активности. Видимо, обусловленным этими факторами ритмом жизни можно объяснить те различия в развитии орнаментального искусства обитателей разных ландшафтных зон Западной Сибири в период раннего железа и эпохи Средневековья, естественно, учитывая палеоэкономический фактор.

В Приморье и Приамурье общая историческая ситуация была близка тенденции социально-экономического развития западносибирского региона. Разумеется, была и специфика, которая не могла не отразиться на ритме жизни. Достаточно обратить внимание на то, что в Приморско-Приамурском ареале нет широтного размещения ландшафтов (в Приморье выделяют прибрежную часть и континентальную), обширных открытых просторов. Адаптация к природным условиям и использование биоресурсов конкретной физико-географической среды сформировала эту специфику. Общность закономерностей развития привела к раннему возникновению государственных объединений на этих удалённых друг от друга территориях.

Совершенно иная историческая картина кроется за археологическими источниками в Восточной Сибири и Забайкалье. В них прослеживается крайне сдержанный темп развития культур в эпоху палеометалла и раннего железа. Более того, если глазковская культура представляла самобытный вариант развития, то развитие последовавших в хронологическом измерении культур шло под влиянием народов сопредельных и удалённых территорий. Древнее и средневековое (ранний этап) население Восточной Сибири, сохраняя охотничье-рыболовческий уклад, на тысячелетия приобрело свойственную их обществам тенденцию исторических процессов. Им соответствовал сложившийся веками ритм жизни. Изменения, достаточно существенные, произошли в развитом и Позднем Средневековье. Они

были обусловлены как внутренними, так и внешними причинами.

Забайкалье не являлось исключением, по крайней мере, до эпохи раннего железа. Образование на этой территории военных объединений было обусловлено значительным движением кочевых народов, столкновения в котором формировали, так называемые «кочевые империи» [24; 50].

Заключение

На вопрос – существовала ли связь между развитием декоративно-прикладного искусства и ритмом жизни? – можно дать положительный ответ. Размеренный ритм стационарного образа жизни (рыболовческий, рыболовческо-охотничий уклад, ранние этапы производящих форм экономики) и динамичный ритм подвижного образа жизни (охотничий, кочевой уклад) демонстрируют разные тенденции развития орнаментального искусства. Война, как образ жизни, у многих народов азиатской части России, начиная с эпохи раннего железа, формировал активный ритм жизни. Случайно или нет, но с этим заключительным историко-хронологическим периодом первобытной истории совпадает скудость, а нередко и исчезновение, декоративного искусства на керамической посуде. Исключение составляла культура народов таёжных Западной Сибири. Но причины этого явления также связаны с ритмом жизни.

В связи с поставленной проблемой о тенденциях развития декоративно-прикладного искусства целесообразно было бы исследование такого фактора, как миграция. Особенно это касается степных и лесостепных ландшафтов Западной Сибири, испытывавших, на мой взгляд, 3 крупных миграционных волны из юго-западных районов Передней Азии. Особенно выделим появление пастушеского населения андроновской культуры, декор которого в трансформированном виде сохранялся на многие века, проник в глубинные районы тайги. Такого масштаба миграций не испытывали другие регионы Северной Азии.

Пытливый специалист не мог не обратить внимания на то, что автор представленной работы не рассматривает мировоззрение человека до письменного периода истории, как фактор развития декоративно-прикладного искусства. Более того, он сознательно исключил ссылки на теоретические разработки выдающихся авторитетов в области психоанализа и мышления З. Фрейда и Л. Леви-Брюля, а также других специалистов, чтобы не перегружать работу дополнительной информацией. Несомненно, связь между орнаментальным искусством и мировоззрением существует. Но в аспекте проблемы мировоззрения древних и средневековых народов исследование декоративного творчества предполагает изучение его содержания, а не формы воплощения идеи. В археологической науке есть креативные личности, способные за орнаментальной композицией распознать мифологические сюжеты. В представленной на суд специалистов работе главной задачей являлось выявить истоки и тенденции развития формообразования орнамента, имея в виду и его пространственное размещение, так называемое орнаментальное поле. Задача выдвигала на передний план концепцию ритма жизни, который, на мой взгляд, детер-

минировал некоторые компоненты мировоззрения народов до письменной истории.

Обоснование идеи в данной статье основано на большом круге специальной литературы. Ссылки на многие из работ по объективным и субъективным причинам не сделаны. Назову имена специалистов – Н. В. Полосьмак, Л. Н. Корякова, Н. А. Савельев, Е. М. Данченко, В. Т. Ковалёва, Л. Л. Косинская,

Е. А. Васильев, О. М. Зими́на, А. В. Матвеев, В. С. Мо́син, В. А. Моги́льников, М. П. Грязнов, Г. А. Макси́менков, Э. Б. Вадецкая, В. И. Привалихин, В. П. Леонтьев, П. В. Мандрыка, М. В. Константинов, Н. Н. Диков, О. И. Горюнова, С. А. Федосеева, Д. В. Папин, С. П. Грушин, А. А. Тишкин и др. Благодарен им и рассчитываю на их благосклонность.

Литература

1. Алексеев А. Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 143 с.
2. Алексеев А. Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. ИАЭТ СО РАН, 1996. 95 с.
3. Андреева Ж. В. Древнее Приморье (железный век). М.: Наука, 1970. 145 с.
4. Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 206 с.
5. Безпрозванных Е. М. Мезолитические жилища в таёжной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.
6. Бобров В. В. Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. СПб., 2004.
7. Бобров В. В. Размышляя о первобытном искусстве Сибири... // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск, 2013.
8. Борзунов В. А. Западная Сибирь – самый северный ареал укрепленных поселений неолита и первой половины эпохи бронзы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань: Отечество, 2014. Т. I.
9. Бродянский Д. Л. Археологические источники по истории жилищ народов Приамурья и Приморья // Вопросы источниковедения и историографии. Владивосток, 1975.
10. Бродянский Д. Л. Две экономические стратегии в неолите Дальнего Востока // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. I. С. 240 – 242.
11. Василевский А. А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008. 412 с.
12. Волков П. В. Жилища эпохи голоцена на Дальнем Востоке России (опыт функционально-планиграфического анализа) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2010. № 2(42).
13. Вострецов Ю. Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005.
14. Вострецов Ю. Е. Первые земледельцы на побережье залива Петра Великого // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 113 – 120
15. Гумилёв Л. Н. Истоки ритма кочевой жизни // НАА. 1966. № 4.
16. Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.
17. Деревянко А. П. Польцевская культура на Амуре. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 68 с.
18. Деревянко А. П., Ким Ён Вон, Нестеров С. П., Юн Кван Джин, Хан Джи Сон, Мыльников Л. Н., Лоскутова Я. Ю., Ли Гю Хун, Шеломихин О. А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха // Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон, 2010. Вып. III. 317 с.
19. Деревянко А. И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991. 154 с.
20. Дьяков В. И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток, 1987.
21. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
22. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века / отв. ред. А. И. Крушанов. М.: Наука, 1989. 375 с.
23. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2004. 295 с.
24. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: СПбГУ, 2005. 346 с.
25. Ковалёва В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 62 с.
26. Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.
27. Кони́ков Б. А. Таёжное Приирты́шье в X – XIII вв. н. э. Омск: ОмГПУ, 1993. 223 с.
28. Кони́ков Б. А. Омское Приирты́шье в раннем и развитом средневековье. Омск: ОмГПУ; Наука, 2007. 466 с.
29. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.
30. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984.
31. Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск, 1979. 96 с.
32. Мартынов А. И., Абсалимов М. Б. Тагарские поселения. Красноярск: КрГУ, 1988. 136 с.
33. Матвеева Н. П. Ранний железный век Прииртышья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
34. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Самусьская культура. Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1973.
35. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Андроновская культура. Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1974.

36. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Еловско-ирменская культура. Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1974.
37. Медведев В. Е. Культура амурских чжурдженей. Конец X – XI в. Новосибирск: Наука, 1977.
38. Медведев В. Е., Филатова И. В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья. Орнаментальный аспект. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. 168 с.
39. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
40. Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., Полосьмак Н. В., Соловьёв А. И., Беланов П. И. Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
41. Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьёв А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 260 с.
42. Молодин В. И., Елагин В. С. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск: Наука, 1991. 127 с.
43. Молодин В. И. Древнее искусство Сибири. Сеул: Чурбсон, 2003. 303 с. (на корейском яз.)
44. Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: УрГУ, 1995. 196 с.
45. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. М.; Л., 1950. № 18. Ч. I, II. 412 с.
46. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. М.; Л., 1955. № 43. Ч. III. 373 с.
47. Окладников А. П. Далёкое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. 292 с.
48. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1994. Т. I. Кн. I. 489 с.
49. Петров А. И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. Кемерово, 1986. 18 с.
50. Савинов Д. Г. Ранние кочевники Среднего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 202 с.
51. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
52. Троицкая Т. Н., Бородавский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
53. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.
54. Угорское наследие. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.
55. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб.: Дмитрий Булавин, 1998. 341 с.
56. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.
57. Цетлин Ю. Б. Предметная изобразительная деятельность древнего человека: её природа и содержание // РА. 2004. № 2.
58. Цетлин Ю. Б. Современные взгляды на происхождение гончарства // Вестник Томского государственного университета. (Серия: История). 2013. № 3(23).
59. Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. Улан-Удэ: БурГУ, 1999. 264 с.
60. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2003. № 1. С. 80 – 97.
61. Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.
62. Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут-Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
63. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984.
64. Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: ТГУ, 1991. 184 с.
65. Шорин А. Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 92 с.

Информация об авторе:

Бобров Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии КемГУ; заместитель директора по научной работе Института экологии человека СО РАН, klae@kemsu.ru.

Vladimir V. Bobrov – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Archaeology, Kemerovo State University; Deputy Director for Science at the Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.